

ВОЗМОЖНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Посвящена проблемам реализации функции специальной государственной защиты лиц, содействующих решению задач оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства. Сформулированы предложения по совершенствованию этого вида правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: специальная государственная защита, свидетель, конфиденент, уголовный процесс.

N.S. Zhleznyak

PROVIDING SPECIAL STATE PROTECTION OF INDIVIDUALS-PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEDURE

The article deals with problems of providing special state protection of individuals that contribute to solving tasks of operational investigations and criminal proceedings. The author proposes ways of improving this law enforcement activity.

Keywords: special state protection, witness (affiant), confidant, criminal procedure.

Полиция и специальные службы различных государств на протяжении всего своего существования активно используют помощь отдельных граждан для поддержания установленного порядка и решения иных определенных законодателем задач. Реализовать указанные задачи зачастую можно только с помощью лиц, находящихся в криминогенной среде или внедряемых туда правоохранительными службами. При этом достаточно часто возникают ситуации, когда такие лица впоследствии приобретают статус ключевых или единственных свидетелей преступных событий, а посему (в случае идентификации их личности правонарушителями) могут подвергаться различным формам преследования со стороны криминалитета, вплоть до физического устранения.

Поэтому обеспечение безопасности указанных лиц обусловлено не только естественным стремлением надежно оградить человека от мести преступников, но и использовать его в дальнейшем в качестве важного свидетеля.

В России поиски наиболее приемлемых решений защиты таких лиц, безусловно, ведутся. Так, весьма характерна и широко распространена точка зрения, согласно которой «...с целью сокрытия данных о лице, оказавшем помощь в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, от его имени участником уголовного процесса должен выступать оперативный работник, который представляет следствие и суду материалы, документы и технические носители информации».

Представляет интерес и иная позиция, согласно которой «в ч. 2 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД) названы два условия рассекречивания данных о лицах..., оказывающих или оказывавших содействие... на конфиденци-

альной основе: согласие этих граждан, полученное в письменной форме; в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Первое условие означает, что определенное лицо имеет право лишить себя привилегий конфиденциальности добровольно, что подтверждается письменным документом. В этом случае обеспечиваются меры безопасности, исключающие физическую расправу с данным гражданином и его окружением. Такого рода ситуация может возникнуть в тех случаях, когда есть потребность в доказывании по уголовным делам, а без указания на источник доказательств виновность подсудимых установлена быть не может» [3, с. 100].

Положения уголовно-процессуального закона требуют не только процедурной конкретизации условий и порядка вовлечения в материалы уголовного дела показаний рассматриваемых лиц, но и принятия в этом контексте решений, связанных в первую очередь, с обеспечением их безопасности.

Личная безопасность любого участника уголовного процесса зависит от выполнения трех условий (изучение состояния защищенности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе подтверждает, что во многих случаях дача ими ложных показаний, отказ от правдивых, либо их изменение, обусловлены оказанием воздействия со стороны подозреваемых, обвиняемых, их родственников, не выявленных соучастников, а также других заинтересованных в исходе дела лиц) [8, с. 48]:

- добропорядочности должностного лица, фиксирующего показания источника информации;
- права должностного лица не указывать идентифицирующую информацию об источнике в протоколе следственного действия;
- желания и воли должностного лица сохранить в тайне информацию, идентифицирующую личность участника процесса.

Добропорядочность (некоррупционированность) должностного лица, обеспечивающего процессуальное закрепление информации лица, нуждающегося в специальной государственной защите, формально не подлежит сомнению. Официальная статистика, отражающая действительные масштабы коррупции в правоохранительной системе, отсутствует, однако, и отдельные известные факты, на наш взгляд, являются серьезным поводом для беспокойства и принятия исчерпывающих мер по обеспечению безопасности лица как участника уголовного процесса. Подтверждают наше беспокойство и результаты исследования, проведенного группой авторов, согласно которым наиболее подверженными коррупции являются сотрудники следственных подразделений [1].

Право должностного лица указывать ограниченно идентифицирующую информацию об источнике в протоколе допроса существует в российском уголовном процессе с 1 января 1961 г. Статья 141 УПК РСФСР предусматривала возможность составления протокола допроса без указания места проживания свидетеля. Положения закона, устанавливающие только один информационно-обязательный реквизит об участнике следственного действия — фамилия, имя, отчество — до настоящего времени (уже более 50 лет) не находят своего применения. Исполнительная и судебная власти продолжают консервативно отстаивать свою модель достаточной информации об участнике следственного действия, включая в нее обязательные сведения о дате рождения, национальности, местах жительства и работы, занимаемой должности, судимости и т.д.

В протоколе допроса обвиняемого наличие таких сведений действительно является необходимым, так как обуславливается выяснением обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (п. 3 ст. 68

УПК РСФСР, ст. 73 УПК РФ). Однако аналогичная информация о других участниках процесса, в частности, свидетеле или потерпевшем, не имеет никакого отношения к предмету доказывания по уголовному делу и, по нашему мнению, может не содержаться в протоколе следственного действия. На это же указывает и положение ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

На целесообразность отказа от шаблонности при заполнении процессуальных документов указывает не только теория доказательств. Генеральная прокуратура РСФСР в свое время прямо отмечала необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса от преступного воздействия со стороны защиты: «В процессуальных документах указываются лишь необходимые установочные данные: фамилия, имя, отчество. Все другие сведения о личности сообщаются в справке, которая в соответствии с ч. 1 ст. 139 УПК РСФСР может не предъявляться для ознакомления обвиняемому и его защитнику» [4, с. 9].

Приоритет буквы закона над практическим навыком оформления процессуального документа в современных условиях формирования правового государства и цивилизованного уголовного судопроизводства позволяет обеспечить повышенную защиту прав и свобод граждан. УПК РФ, разработанный на основе положений действующей Конституции, предусматривает абсолютно революционное преобразование в процедуре допроса свидетеля или потерпевшего. Так, ч. 9 ст. 166 данного нормативного правового акта позволяет следователю «...не приводить данные об их личности». Решением Европейского суда по правам человека в Страсбурге признано, что использование сведений, представленных анонимными свидетелями в качестве доказательств на этапе досудебного расследования, согласуется с положениями Европейской конвенции от 15 мая 1992 г. «О защите прав человека и основных свобод».

При наличии оснований полагать, что необходимо обеспечить безопасность свидетеля или потерпевшего, «...следователь с согласия прокурора выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу».

На наш взгляд, зафиксированное в УПК РФ положение создает серьезные предпосылки для реальной защиты участников уголовного судопроизводства, нуждающихся в обеспечении личной безопасности. Вместе с тем, приобщение опечатанного конверта к уголовному делу представляется не лучшим вариантом. Мы полагаем, что идеальным в этом смысле было бы хранение означенных сведений в органе, обеспечивающем государственную охрану такого лица, т.е. в оперативном подразделении органа внутренних дел.

Желание и воля должностного лица сохранить в тайне информацию, идентифицирующую личность участника процесса, на наш взгляд, характеризуются наличием либо отсутствием у субъекта определенных личных и профессиональных качеств, перечень которых известен большинству сотрудников правоохранительных органов и не требует конкретизации в данной работе.

Полагаем, проблема использования информации указанного лица в доказывании сегодня может быть разрешена достаточно просто, поскольку согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ существует возможность указывать в протоколе следственного действия не данные о личности свидетеля (фамилию, имя, отчество), а его *псевдоним*. При согласии гражданина на допрос

следователь обязан соблюсти предусмотренный порядок зашифровки его личности. При этом ссылка в протоколе допроса на ч. 9 ст. 166 УПК РФ будет указывать на «псевдонимный» характер допроса свидетеля.

Для решения поставленной задачи, преследующей цель формирования свидетельского иммунитета (а наша позиция несколько отличается от положения п. 40 ст. 5 УПК РФ, согласно которому «свидетельский иммунитет — право лица не давать показания против себя и своих близких родственников»; мы полагаем, что в рассматриваемом контексте иммунитет — предоставленное кому-нибудь исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, а вышеуказанная норма описывает лишь частный случай свидетельского иммунитета), требуется изменение редакции следующих норм УПК РФ:

1. Часть 2 ст. 79 «Показания свидетеля» изложить следующим образом: «Свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и др. свидетелями. *Лицам, охватываемым положениями ч. 9 ст. 166 настоящего Кодекса, запрещается задавать вопросы, ответы на которые позволяют идентифицировать их личность*».

2. Статья 189 «Общие правила проведения допроса» дополнить ч. 6 следующего содержания: «*В ходе допроса лиц, охватываемых положениями ч. 9 ст. 166 настоящего Кодекса, запрещается задавать вопросы, ответы на которые позволяют идентифицировать их личность*».

3. Часть 1 ст. 217 «Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела» изложить в следующей редакции: «После выполнения требования ст. 216 настоящего Кодекса следователь предъявляет обвиняемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела, за исключением *установочных данных лиц, охватываемых положениями ч. 9 ст. 166* (далее по тексту).

4. Часть 4 ст. 220 «Обвинительное заключение» изложить следующим образом: «К обвинительному заключению прилагается список подлежащих вызову в судебное заседание со стороны обвинения и защиты с указанием их места жительства и (или) места нахождения. *Вместо установочных данных лиц, охватываемых ч. 9 ст. 166 настоящего Кодекса, указываются псевдонимы, а их вызов в судебное заседание возлагается на сторону обвинения*».

Сведения, содержащиеся в протоколе *псевдонимного* допроса свидетеля, являются одним из источников доказательств, не имеющих преимуществ, но и не являющимся ущербным по отношению к другим. Нетрадиционную форму его существования необходимо отстаивать и защищать как в теории, так и в практике уголовного процесса.

В пользу создания нетрадиционной системы обеспечения безопасности участников уголовного процесса свидетельствуют не только зафиксированные выше положения. Уголовный кодекс РФ в рамках установления уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310) фиксирует таковую, в том числе и за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса (ст. 311). Субъектом данного преступления посягательства могут быть представители исполнительной или судебной властей, которые не сохранили в тайне сведения об использованных мерах безопасности в отношении свидетеля, потерпевшего или их близких, когда эти сведения были доверены им или стали известны в связи со служебной деятельностью.

Официальное признание в государстве права должностных лиц использовать фактическую информацию, позволяющего ставить прочерки в идентификационных графах протокола допроса, никогда не приведет к сращиванию оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса. Требования к качественной стороне свидетельских показаний, оценка их достаточности, допустимости (в аспекте первоначальности) и достоверности принадлежит и будет принадлежать только лицу, в производстве которого находится конкретное уголовное дело, т.е. следователю.

Необходимость детальной процедурной конкретизации порядка допроса конфиденнта, представляется, не связана с получением разрешения на такую форму допроса, а обуславливается лишь уголовно-процессуальным признанием данного тактического приема допроса как абсолютно законной процедуры получения информации. Протокол псевдонимного допроса свидетеля должен стать бесспорным источником доказательств, существование которого не только не запрещено уголовно-процессуальным законодательством России, но и является самостоятельной разновидностью показаний свидетеля.

Теоретическое и практическое обоснование процессуального права следователя на ведение псевдонимного допроса предполагает разработку и судебного механизма проверки и оценки полученных сведений как доказательств по уголовному делу. Недостаточная судейская подготовленность в правовом восприятии нетрадиционной (но вполне законной) формы фиксации доказательственной информации может стать естественной преградой в изменении сцементированной десятилетиями советских традиций оценки допустимости и достоверности такой фактической информации.

Автор полагает, что никаких причин и оснований для отторжения протокола псевдонимного допроса как доброкачественного доказательства в процессе судебного следствия нет. Так, согласно параграфу 68 (абзац 3) УПК ФРГ существует возможность открыто представлять конфиденнта в качестве свидетеля, причем суд может разрешить не указывать данные о личности либо сослаться на предшествующую идентификацию, если существует опасность, что раскрытие личности либо места жительства или места пребывания может угрожать жизни, здоровью или свободе этого или другого лица. Если допрос свидетеля в судебном заседании исключается, то он является «...недостижимым источником доказательства». Это делает допустимым его допрос специально уполномоченным судьей-докладчиком и оглашение протокола допроса на судебном заседании [7]. Существуют лишь наработанные стереотипы ведения судебного разбирательства и нежелание чиновников изменить судебные, внутриведомственные правила исследования представленных следствием доказательств.

Для нормативной регламентации реального использования протокола псевдонимного допроса, как источника доказательств в ходе судебного рассмотрения материалов уголовного дела, следует внести следующие изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство:

1. Изложить п. 3 ч. 3 ст. 259 «Протокол судебного заседания» в следующей редакции: «...наименование и состав суда, данные о секретаре, переводчике, обвинителе, защитнике, подсудимом, а также о потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике, их представителях и других вызванных в суд лицах, за исключением охватываемых положениями ч. 9 ст. 166 настоящего Кодекса».

2. Дополнить ст. 264 «Удаление свидетелей из зала судебного заседания» ч. 3 в следующей редакции: «*Председательствующий принимает меры к тому, чтобы не были разглашены сведения о личности свидете-*

лей, охватываемых положениями ч. 9 ст. 166 настоящего Кодекса. В целях обеспечения их безопасности председательствующий организует условия для допроса таких свидетелей вне визуального контакта».

3. Изложить ч. 5 ст. 278 «Допрос свидетелей» в следующей редакции: «При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, *либо единолично председательствующим*, о чем суд выносит определение или постановление». Кстати, это средство защиты неоднократно рекомендовалось международным сообществом, и оно находит все более широкое применение в Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландах, Италии [5, с. 118–119; 6].

4. Изложить ч. 6 ст. 278 «Допрос свидетелей» в следующей редакции: «В случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями *при отсутствии возражения на это защищаемого лица*».

В этом случае создаются реальные перспективы обеспечения охраны лиц, участвующих в статусе свидетелей по уголовным делам, в том числе и в рамках судебного разбирательства.

Однако наиболее предпочтительным, по нашему мнению, является подход, связанный с использованием норм Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» (при условии его повторного рассмотрения Федеральным собранием и принятия), где значительная часть вышеперечисленных новелл нашла свое отражение.

В современных условиях значительной криминализации всех сфер жизнедеятельности, разрешения многих ситуаций не государственными структурами, а уголовными авторитетами, не с помощью закона, а по нормам преступной субкультуры, наличия криминального давления на участников процесса в целях изменения или отказа от показаний, принятия неправосудных решений и т.п., сама жизнь заставляет общество обратиться к проблеме защиты свидетеля, а значит — ввести в действие и нормы, обеспечивающие проведение псевдонимного допроса. Это тем более необходимо, что, по данным исследователей, в течение полутора лет в России посткриминальное воздействие испытали на себе 1800 участников уголовно-процессуальных отношений и их близких, в 25 случаях оно выражалось в причинении тяжких телесных повреждений, изнасилованиях, похищении детей, поджогах, убийствах. В результате отказались от дачи показаний 181 чел., свыше сорока граждан пытались вернуть заявления о преступлениях, 30 чел. уклонились от явки в органы предварительного следствия и суда [2, с. 8].

Таким образом, псевдонимный допрос представляет собой разновидность такого следственного действия как допрос, в ходе которого вместо сведений о личности свидетеля, нуждающегося в государственной защите, в протоколе допроса фиксируются избранный им псевдоним и образец подписи; с данными, позволяющими идентифицировать личность свидетеля, без его согласия может ознакомиться весьма ограниченный круг должностных лиц, в который включаются сотрудник оперативного подразделения, обеспечивающего специальную государственную защиту, следователь, судья.

Список использованной литературы

1. Антонов В.М. Укрепление собственной безопасности и предупреждение проникновения в органы внутренних дел участников преступных сообществ / В.М. Антонов, В.П. Кувалдин, А.Н. Хоботов // Оперативно-розыскная работа. — 1999. — № 3 (154).
2. Брусицын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию / Л.В. Брусицын. — М.: СПАРК, 1999. — 108 с.
3. Буяков Е.В. Правовая защита сведений об оперативно-розыскной деятельности / Е.В. Буяков, В.В. Важенин // Вопросы применения Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». — Омск: ЮИ МВД России, 1998.
4. Бюллетень прокуратуры РСФСР. — 1991. — № 5 (303).
5. Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): дис... канд. юрид. наук. — М., 1995. — 215 с.
6. Использование в Великобритании видеопозаказаний потерпевших при расследовании дел о преступлениях против детей // Борьба с преступностью за рубежом. — 1995. — № 12. — С. 4–5.
7. Ларичев В.Д. Зарубежный и отечественный опыт использования штатных негласных сотрудников / В.Д. Ларичев, Н.С. Решетняк // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в сфере экономики. — М., 1996. Вып. 3.
8. Савченко С.М. Проблемы защиты свидетелей и потерпевших / С.М. Савченко, Е.П. Котляров // Сборник МВД СССР. — 1990. — № 4 (34).

References

1. Antonov V.M. Ukreplenie sobstvennoi bezopasnosti i preduprezhdenie proniknoveniya v organy vnutrennikh del uchastnikov prestupnykh soobshchestv / V.M. Antonov, V.P. Kuvaldin, A.N. Khobotov // Operativno-rozysknaya rabota. — 1999. — № 3 (154).
2. Brusnitsyn L.V. Pravovoe obespechenie bezopasnosti lits, sodeistvuyushchikh ugolovnomu pravosudiyu / L.V. Brusnitsyn. — M.: SPARK, 1999. — 108 c.
3. Buryakov E.V. Pravovaya zashchita svedenii ob operativno-rozysknoi deyatelnosti / E.V. Buryakov, V.V. Vazhenin // Voprosy primeneniya Federal'nogo Zakona «Ob operativno-rozysknoi deyatelnosti». — Omsk: YuI MVD Rossii, 1998.
4. Byulleten' prokuratury RSFSR. — 1991. — № 5 (303).
5. Vavilova L.V. Organizatsionno-pravovye problemy zashchity zhertv prestuplenii (po materialam zarubezhnoi praktiki): dis... kand. yurid. nauk. — M., 1995. — 215 s.
6. Ispol'zovanie v Velikobritanii videopokazanii poterpevshikh pri rassledovanii del o prestupleniyakh protiv detei // Bor'ba s prestupnost'yu za rubezhom. — 1995. — № 12. — S. 4–5.
7. Larichev V.D. Zarubezhnyi i otechestvennyi opyt ispol'zovaniya shtatnykh neglasnykh sotrudnikov / V.D. Larichev, N.S. Reshetnyak // Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiei i organizovannoi prestupnost'yu v sfere ekonomiki. — M., 1996. Vyp. 3.
8. Savchenko S.M. Problemy zashchity svidetelei i poterpevshikh / S.M. Savchenko, E.P. Kotlyarov // Sbornik MVD SSSR. — 1990. — № 4 (34).

Информация об авторе

Железняк Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, начальник кафедры, Сибирский юридический институт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, г. Красноярск, e-mail: zhns21@mail.ru.

Author

Zhleznyak Nikolay Semenovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the RF, Chairholder, Siberian Law Institute of Federal Service of the Russian Federation for Control over Drug Trafficking, Krasnoyarsk, e-mail: zhns21@mail.ru.